

В. Н. ДЕМИН, доктор философских наук,
член Союза писателей России

ЗАЧЕМ РУСЬ НА ЮГРУ ХОДИЛА?

СТРАННАЯ ВОЙНА

В 1332 году великий князь Московский Иван Данилович, прозванный еще при жизни Калитой (год рождения неизвестен — умер в 1340 г.) объявил войну Великому Новгороду, в ультимативной форме потребовав от независимой республики выплату дани «закамским серебром». В Новгородской первой летописи младшего извода читаем: «В лето 6840 [1332 г.] <...> великий князь Иванъ прииде из Орды и възверже гневъ на Новъград, прося у них серебра закамское...»

Конфликт был с трудом улажен. После внушительной демонстрации силы, в ходе которой воеводы Калиты захватили Торжок и Бежецк, новгородцы предположили уступить. Точно так же в свое время откупились они с помощью «бесчисленного множества даров» (в Никоновской летописи данная формулировка приведена дважды) от карательной орды Дюдени, того самого, что в свое время спалил до тла и ограбил четырнадцать городов Северо-Восточной Руси, включая Москву. Не приходится сомневаться, что львиную долю сих бесчисленных даров, опять-таки составляло неисчерпаемое и загадочное «серебро закамское». Что же в таком случае есть оно на самом деле? В Воскресенской летописи таинственные сокровища названы несколько по-иному — «сребро Закаменское». Но это мало что меняет, ибо тем самым местонахождение «серебра» оказывается в Югре, то есть в Северном Приобье, за Уралом: Уральские горы в старину именовались Камнем, поэтому «Закаменское» означает «Зауральское».

Так русские летописцы прямоком переносят нас на территорию нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа. В самих летописях содержится на сей счет больше намеков чем разъяснений. В только что процитированной Новгородской первой летописи приведен и известный рассказ о походе новгородцев в Югру, то есть в то самое Закамье, откуда поступало к ним "закаменское серебро":

“ [1193 г.] ... В то же лето пошла из Новгорода к Югре рать с воеводой Ядреем. И пришли в Югру, и взяли город, и пришли к другому городу. И заперлись [югричи] в городе, и тояли [новгородцы] под городом 5 недель. И выслала к ним югра [парламен-теров], обманом говоря так: мы-де собираем [для вас] серебро и соболей, и иные богатства, поэтому не губите своих смердов и своей дани. Так обманывали их, а сами воинов собирали. И как собрали воинов, то выслали из города к воеводе [приглашение]: «Приходи в город, взяв с собою 12 мужей лучших». И пошел в город воевода, взяв с собою попа Иванка Легена и иных лучших. Изрубили их [югричи в городе] накануне [праздника] святой Варвары. И выслали [приглашение] вновь, и захватили еще 30 мужей лучших, и тех изрубили, а потом еще 50. После этого сказал Савка князю югор-скому: «Если, князь, не убьешь Якова Прокиинича и отпустишь его в Новгород живого, то ему, князь, удастся опять воинов привести сюда и землю твою опустошить». И повелел [князь] убить его. И сказал Яков [перед смертью] Савке: «Брат, судит тебя Бог и святая София, так как предал ты своих братьев, и встанешь с нами перед Богом, и ответ дашь за кровь нашу». И после этих слов он был убит. А тот Савка связи поддерживал тайно с князем югорским. Тем временем изнемогли

[новгородцы] от голода, поскольку стояли уже 6 недель, поддавшись на обман. А на праздник святого Николы [югричи] сделали вылазку из города и изрубили их всех. И была печаль и беда оставшимся в живых, ибо уцелело их 80 мужей. И не было вестей о них всю зиму в Новгороде...”

Исключительно важное сообщение — по всем параметрам. Одно известие о существовании в северном Приуралье и Приобье неприступной крепости, которую не могла взять новгородская рать, чего стоит. Помянуто в летописи и таинственное серебро. Любопытно однако: у кого же это югорцы (то есть современные ханты и манси) его собирали? И почему именно *собирали*? Известно, что сами югричи и подвластные им другие северные народы выплавкой какого бы то ни было металла не занимались и никакими металлургическими навыками не владели. Так какое же серебро собирали в таком случае данники? Где? откуда? почему?

В прошлом восточные сокровища находили на Русском Севере не просто в больших, а в огромных количествах. И есть все основания полагать, что в русских летописях речь идет о великолепной коллекции иранских (главным образом) ювелирных изделий эпохи Сасанидов (III—VII века н.э.) (так называемое *сасанидское серебро*), хранящейся и экспонируемой ныне в Государственном Эрмитаже. Однако **как и почему** старинные блюда и кувшины, бокалы и геммы с их неповторимыми узорами и высокохудожественными изображениями попали из дворцов персидских царей и вельмож сначала на Русский Север, а оттуда в коллекцию Эрмитажа, где теперь их здесь может лицезреть каждый желающий? Догадываются ли посетители музея, что прежде чем оказаться на берегах Невы бесценные сокровища долгое время находились совсем на других берегах — Оби, Вишеры, Колвы, Камы и даже Ледовитого океана (а также прилегающих к ним территорий)? И владельцами уникальных сокровищ, прежде чем те попадали в руки собирателей и коллекционеров, как правило, были безграмотные охотники, рыболовы и оленеводы — ханты, манси, ненцы! Кто же объяснит сей парадокс?

Именно иранское серебро, так сказать, ханты-мансийского происхождения и составило когда-то основу личной коллекции Строгановых, которая в конечном итоге и незадолго до революции поступила в Эрмитаж. До этого будущие музейные экспонаты находились на частной вилле в Италии, и владельцы опасались, что разразившаяся Первая мировая война отрезет им путь в Россию. Но и строгановские сокровища — всего лишь малая толика того, что в разное время было обнаружено приполярных областях. И коллекция Строгановых — когда-то некоронованных королей этих краев — отнюдь не была самой большой. Сибирские и уральские древности собирали все кому не лень, ибо попадалось оно повсюду. Среди местных любителей старины особенно славилось собрание одного из чердынских купцов по фамилии Алин. Как истинный коллекционер, одержимый навязчивой идеей, смекалистый купчина скупал и выменивал восточное серебро, где только мог, не жалея никаких денег. Полюбоваться восточными сокровищами стекались обыватели со всей округи, тем более, что это доставляло удовольствие тщеславному хозяину. Но в самом начале XX века случился в Чердыни пожар, и дом купца Алина сгорел вместе со всем добром. От баснословного богатства остались одно пепелище. Сгорело все, кроме серебра, но, увы, оно расплавилось и превратилось в слитки металла. Сколько, как вы думаете, его оказалось по весу? 16 пудов! Сколько же шедевров подлинного искусства навсегда было утеряно для будущих поколений...

Нетерпеливый читатель, наверное, давно недоумевает: “Позвольте, но каким же именно образом появилось на Крайнем Севере и, в частности, на

территории исконного расселения хантов и манси, такое огромное количество сасанидского серебра, относящегося к династии персидских шахов, прекратившей свое существование еще в VII веке, почти за 300 лет до принятия христианства на Руси?” Хороший вопрос — ничего не скажешь! Обычно на него отвечают не задумываясь и стереотипно: “Серебряные изделия привозили для обмена на меха, высоко ценившиеся на Востоке, — вот и скопилось его здесь, в Северном Приуралье и Приобье, такое невероятное количество”. Быть может, отчасти так и было. Но вот ведь в чем незадача: не сохранилось никаких данных о персидских караванах, груженных серебром, — ни речных, ни сухопутных, — которые бы устремлялись регулярно и на протяжении многих десятилетий (а то и веков) с Юга на Крайний Север. Не сохранилось на сей счет также никаких карт, маршрутных или географических описаний.

Более того, когда арабы низложили династию Сасанидов и включили Иран в Багдадский халифат, они стали активно использовать и давно освоенные персидскими купцами торговые пути. Собственно, и персам, принявшим ислам и ставшим подданными халифа, дорога на Серер отнюдь не стала закрыта. Торговые караваны мусульман по-прежнему следовали по проторенным путям, доходили до столицы Великой Булгарии на Волге, но территории на Севере оставались для них — из-за царящей в тех краях полярной ночи — сплошной Страной Мрака, населенной к тому же свирепыми племенами Йаджудж и Маджудж. Так что ни о каких проторенных путях на Север арабским путешественникам ничего не было известно, равно как и географам, бережно использовавшим опыт своих персидских предшественников.

Ничего не помнят о восточных гостях и коренные жители Югры — ханты, манси, ненцы, селькупы. В их героическом эпосе, мифологических сказаниях, древних, как сам мир, песнях нет и намек на визиты арабских и, тем более, персидских синбадов-мореходов, благодаря которым весь Обский и Приуральский Север оказался засеянным, как зубами дракона, серебряными блюдами да кувшинами. Нет, о самих предметах они знали, поскольку постоянно на них натывались, не знали только ничего об их происхождении и баснословной ценности (иначе давно бы уже обратили сокровища, валяющиеся у них под ногами в собственную же пользу). Да, использовали вогулы и остяки сасанидское серебро, но отнюдь не по назначению. В лучшем случае превращали его в амулеты, завертывали в холст и прятали от посторонних глаз, в худшем же — превращали в кормушку для скотины (я не утрирую — это документально зафиксированные факты). А случалось еще и так: процарапывали поверх древних рисунков изображения собственных божков и духов.

Известно очень простое объяснение происхождения закамского серебра (оно просматривается уже в “Истории” Карамзина и, естественно, никаких древнеиранских параллелей не проводит): югорцы, дескать, сами его не добывали, а получали от производителей. Но кто же тогда эти производители? Северные народы металл не выплавляли и металлургических навыков не имели. Находимые повсюду на Урале следы древней добычи и переплавки руды, а также изделия из металла, относятся к предшествующей древней цивилизации. Но самое главное — даже не в этом. Дело в том, что на Урале серебряных руд нет (в изобилии только медные и железные, не говоря уж о золоте, драгоценных камнях и самоцветах). Ближайшие серебрянорудные месторождения находятся на Таймыре, Алтае и в Восточной Сибири (знаменитые каторжные Нерчинские рудники). Древние пути отсюда в Югру просматриваются только гипотетически. Известно, правда, еще месторождение на Печоре, но его освоение началось лишь

при Иване III. Поэтому вопрос: “Откуда взяты серебра в Югре” — остается без ответа; напротив порождает множество новых вопросов.

В чем же в таком случае разгадка “закамского серебра”, если принять версию о его сасанидском происхождении? Сасаниды — последняя персидская династия, сохранявшая верность древнейшей зороастрийской религии, уничтоженной в ходе мусульманской экспансии и всепокрушающего арабского нашествия. Древние же иранцы пришли в места своего нынешнего окончательного расселения с Севера после глобального катаклизма и резкого похолодания (о чем рассказывается в “Географической поэме”, включенной в Авесту). Сам основатель зороастризма — пророк Заратуштра, по одной из древнейших версий, также прибыл в Иран с Севера, переплыв “великое море”. Следовательно, древним иранцам путь на Север был известен давно и, как говорится, хорошо обкатан. Хранителями тайного знания в Древней Персии являлись зороастрийские жрецы-маги, которые — как язычники и еретики — были поголовно (и в прямом смысле — физически) уничтожены в ходе утверждения новой религии — ислама. Отсюда вполне естественно, что наиболее секретные знания маги сумели скрыть таким образом, что мусульманским географам и картографам ничего и не досталось.

Но остались следы — вещественные и неуничтожимые: то самое сасанидское серебро, коим каждый теперь может любоваться — стоит лишь посетить Эрмитаж в Санкт-Петербурге. Вопрос, однако, остается все тот же: как же все-таки это серебро оказалось на Севере? А что если последние приверженцы зороастризма во главе с магами-предводителями, груженные сокровищами и реликвиями пытались спастись от беспощадных мусульманских сабель и отыскать убежище на своей древней Прародине, но застряли где-нибудь в Приобье и Приуралье? Так или иначе в одно прекрасное время Русский Север превратился в арктическое подобие сокровищницы легендарного царя Креза. А Господин Великий Новгород на каком-то этапе прознал про те неисчерпаемые и вполне доступные при желании богатства. И не только прознал, но и на долгие годы (по существу — века) присосался к практически даровому источнику пополнения своей и без того не скудной казны.

Шуму особого по данному поводу новгородцы никогда не устраивали, получали по договоренности с приуральскими и приобскими аборигенами изрядную толику серебряной дани, а если те забывали о долге, — направляли в Югру карательные отряды, вроде того, про который повествуют в приведенном выше отрывке летописец. Тайну свою как могли оберегали от чужих завистливых очей, дабы не объявились другие охотники до “закамского серебра”. Но, как видно из летописей, нашелся все-таки на новгородских хитрецов один московский простец — по имени Иван, по прозвищу Калита. Он пригрозил богатеньким новгородцам войною и вскорости получил от них все, что требовал: и собственную казну пополнил, и с золотоордынским владыкой — ханом Узбеком — расплатился. Так вот оно откуда — баснословное богатство Калиты, положившее начало могуществу Московского государства!

ТАЙНЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ

Среди серебрянных изделий, найденных на Русском Севере, имеются такие, которые никак не вписываются в какие-либо известные культуры, тем более в сасанидскую. В прошлом веке был опубликован рисунок одного из серебрянных кувшинов, найденных в Пермской губернии. По форме кувшин в точности совпадает с теми, что представлены в экспозиции Эрмитажа. Однако сюжет, изображенный на его стенке, обращенной к зрителю, не имеет ничего

общего ни с зороастрийским культом, ни с жизнью персидских шахов. Перед нами Великая Богиня-мать в полном своем космическом облике и окружении. К сожалению, с начала XX века загадочный серебряный кувшин исчез из поля зрения ученых: возможно, сгорел вместе с другими сокровищами купца Алина, возможно, потихоньку был спрятан от ненужного любопытства.

Встречаются на сасанидских серебряных блюдах и кувшинах также и другие сюжеты, явно восходящие к архаичной мифологии и общие для всей мировой культуры. Обратимся в данной связи к образу Ардви-Суры, Анахиты (дословно — Ардви Могучая и Непорочная) изображенной на серебряном (с позолотой) сасанидском блюде из коллекции Государственного Эрмитажа. Сохранив все основные функции архаичной Великой Матери эпохи матриархата, авестийская Ардви считалась также богиней плодородия и воды. В этом она практически полностью калькирует карело-финскую богиню-прародительницу Ильматар: последняя же, хотя и считается Девой воздуха, но одновременно является и Матерью воды. В Авесте Ардви-Сура объявляется дочерью верховного владыки Ахурамазды. Ей посвящен один из самых знаменитых и возвышенных гимнов:

*Она явилась, зрима,
Благая Ардви-Сура,
Прекрасной юной девой,
Могучею и стройной,
Высокой и прямой...
Бобровую накидку
Надела Ардви-Сура
Из шкур трехсот бобрех,
Четырежды родивших
(Когда они шерстистей,
Когда их гуще мех),
Так сделанную, чтобы
Смотрящему казалось
Она покрыта золотом
И полной серебром.*

(Перевод — здесь и далее — И.М. Стеблина-Каменского)

Вдохновенно-поэтический образ авестийской Великой Богини, облаченной в бобровую шубу с золотым отливом, в особенности позволяет отождествить ее со знаменитой урало-сибирской **Золотой Бабой** (см. мою статью на данную тему: Мир Севера. 2000. № 4). Все выше сказанное служит лишним доказательством установленного факта, что прапредки иранцев (как, впрочем, и других индоевропейцев) мигрировали в места их нынешнего проживания именно с Крайнего Севера, включая и территорию современного Ханты-Мансийского автономного округа. Предпринимались даже вполне обоснованные попытки «привязать» некоторые священные горы, названия которых встречаются в Ригведе и Авесте, к реалиям Северного Урала и Приобья. Среди древних бронзовых находок Югры встречается изображение божества, возносимого на небо священной птицей, практически полностью совпадающее с образом Ардви-Суры, воссозданным древнеперсидскими мастерами.

Но можно пойти еще дальше. Дело в том, что образ божественной Ардви-Суры многолик и полифункционален. Великая Богиня, дочь Ахурамазды, для древних иранцев персонифицировала не просто водную стихию, еще и великую

реку с мощными рукавами и протоками — может быть, ту, по берегам которой когда-то мигрировали арии с Севера на Юг. Послушайте сами:

*Из края в край волнуется
 Всё море Ворукаша
 [Мировое море, предположительно Ледовитый океан. В.Д.]
 И волны в середине
 Вздываются, когда
 Свои вливает воды,
 В него впадает Ардвиг
 Всей тысячей протоков
 И тысячью озёр,
 Любое из которых
 За сорок дней объехать
 Успеет только всадник
 На добром скакуне.*

Какие ассоциации могут тут возникнуть? Ну, конечно — какая-то великая северная река — с ее могучими протоками и в окружении несметного количества озер! Например, Обь: именно на ее берегах разные народы и в разные времена поклонялись Золотой Бабе, в одной из древнейших своих ипостасей тождественной Ардвиг-Суре. И не ей одной. Индийский писатель Аниль Джанвиджай, плодотворно разрабатывающий тему Полярной прародины ариев и других народов мира, отмечает, что столь почитаемая в Индии благодная богиня счастья и красоты Лакшми — жена Вишну — дословно прозывается Золотой Бабой. Значит и корни ее культа восходят не только к арийским, но и к доарийским временам.

Сходный образ благодной богини известен и в китайской культуре. Это — покровительница семейного очага богиня Гуаньинь; ее каноническое изображение в окружении детей очнь напоминает вышеприведенные рисунки Золотой Бабы, сделанные европейскими картографами. Впервые оригинальную гипотезу о возможной связи Золотой Бабы с буддийской богиней Гуаньинь высказал поэт и прозаик Сергей Николаевич Марков в интереснейшей книге «Земной круг», посвященной освоению Севера. Ее культ достаточно сложен и распространен в Китае, Корее и Японии. Не касаясь сложных и запутанных метаморфоз буддийского пантеона, обращаю особое внимание, что даже в каноническом изображении Гуаньинь — любимая богиня китайского народа — очень даже напоминает известные описания Золотой Бабы. Благодная Гуаньинь — покровительница женщин, подательница детей и родовспомогательница. Вместе с тем она защищает всех без исключения людей и без различия их пола от подстерегающих бед и опасностей.

Любопытно, что имя богини-спасительницы переводится как «Наблюдающий за звуками» (мужской род женского имени обусловлен тем, что Гуаньинь является женской ипостасью одного из главных бодхисатв буддийского пантеона махаяны — Авалокитешвара). Именно это (а также другие, упомянутые выше божественные функции и атрибуты) и позволили Сергею Маркову высказать предположение о буддийском происхождении северного культа Золотой Бабы. Он посчитал, что первоначально статуя богини Гуаньинь была завезена в Сибирь китайскими купцами или паломниками и оставлена там либо в виде дара, либо в качестве уплаты за приобретенные меха. Поскольку образ благодной богини прекрасно совпадал с традиционным мировоззрением

сибирских аборигенов, они быстро приспособили золотого истукана к нуждам и потребностям собственного традиционного культа, начисто забыв про буддизм. Гипотеза смелая, но не вполне убедительная. Почему бы не предположить обратное: древний северный (гиперборейский и матриархальный культ) постепенно распространился к югу и был использован буддизмом.

Предположение о былом родстве некоторых архаичных персонажей индоевропейской и всемирной мифологий — лишнее доказательство общего происхождения (в данном случае — полярного) всех народов Земли, их языков и культур. Уместно привести и дополнительные аргументы, непосредственно касающиеся древнейшей истории Югры. Ибо следы былых северных контактов между прапредками обско-угорских и индоевропейских народов сохранились и по сей день в ханты-мансийской мифологии. Еще лет двадцать назад известный российский ученый-культуролог Владимир Николаевич Топоров обратил внимание на сходство культов (и даже имен!) знаменитого индо-иранского (а позже — эллинистического) бога Митры и одного из центральных ханты-мансийских божеств *Мир-суснэ-хума*.

Мир-суснэ-хум оберегает людей от всевозможных опасностей и болезней и обеспечивает благосостояние каждой семьи. Имя покровителя хантов и мансийцев переводится как *Мир созерцающий человек* (или — *Смотрящий за миром*). Общемировая корневая основа «мир» *mr* как нельзя лучше выражает сакральное значение обско-угорского солнечного божества, калькирующего солярные функции индоевропейского Солнцегога Митры. Данная архаичная лексема (и по существу знаковый символ) ведет свое начало от название Вселенской горы Меру - космологического и этносоциального символа индоевропейских и других народов Земли. От корневой же протоосновы *mr* образовано и однозвучное русское слово «мир», означающее одновременно и Вселенную, и род людской, и согласие, и справедливость — «меру», и конец жизни — "[с]мерть" ("мор"). Отсюда же, в конечном счете, и такие русские слова, как "море", "марево", "меркнуть", "мерцать" и др.

Однако каким именно образом сопрягается арийский Солнцегог Митра с обско-угорским божеством *Мир-суснэ-хумом*? А вот как: ханты-мансийский бог-покровитель среди прочих имел и солнечную ипостась и, соответственно, солнечное имя — *Сорни-Торум*, что переводится — *Золотой бог* (где *сорни* означает «золото»). Золото, как известно, во все времена и у всех народов, символизировало солнце и его свет. Кроме того, его родной брат — *Корс-Торум* — также наделен светозарными качествами. Недаром сына *Корс-Торума* звали *Сорни-нос*, то есть *Золотой* (читай — *Солнечный*) луч. Таким образом, обско-угорское имя Корс вполне совпадает с древнеперсидскими и современными ираноязычными словами, означающими Солнце (н. перс. *xurset* — «сияющее солнце»). К данному общемировому лексическому гнезду, связанному с понятием солярности, восходит и идентичное по вокализации имя древнерусского Солнцегога Хорса (писалось — *Хърсь*), и множество современных русских слов — «хорошо», «хор», «хоровод», «хоромы», «храм» и др.

Единственно, в чем не правы исследователи, обратившие внимание на поразительное сходство финно-угорских и индоевропейских лексем и их смыслов, так это пресловутое «заимствование»: упомянутые выше ханты-мансийские имена богов и их эпитеты свидетельствуют о якобы имевшем место заимствовании из иранской и индоарийской мифологии, более развитой чем обско-угорская. Гипотеза «заимствования» самая непродуктивная из всех возможных объяснений. Говорить следовало бы об общем культурно-

лингвистическом источнике древних воззрений, связанном с древней Прародиной всех языков и народов мира.

Нет нужды говорить, что блюдо с изображением Ардвиг-Суры, хранящееся ныне в Государственном эрмитаже, было найдено где-то на Обском или Приуральском Севере при невыясненных обстоятельствах. Но именно здесь, среди вогулов и остяков, был широко распространен архаичный миф о гигантской птице, похищающей героев и возносящих их на небо. Более того, в ханты-мансийской мифологии о ней имеется гораздо больше информации, чем в гимнах Авесты. Правда, от первоначального текста священной древнеиранской книги до наших дней дошла лишь одна тысячная часть: зороастрийская Библия была сожжена еще Александром Македонским на развалинах поверженного Персеполя.

В ханты-мансийских мифах гигантская птица именуется *карс* (здесь дается общепринятая в научных изданиях «усредненная» вокализация, хотя в различных языках ее имя звучит по-разному). Размах крыльев северной «птицы Рух» оценивается в семь сажень; она имеет человеческую голову и умеет разговаривать. Живут *карсы* (их много — целая популяция) посреди теплого, даже горячего (!) моря (это — смутное воспоминание о временах, когда климат в Заполярье был еще теплым). Их естественные враги железные лягушки без печени и сердца (не земноводные — а роботы какие-то!) и драконоподобные ящеры, наподобие плезиозавров, живущие в теплом море и охотящиеся за *карсами*.

Вот такой-то *карс* и способен вознести к небу человека. Ничего удивительного в том нет, если предположить, что речь идет не о живой птице, а о летательном аппарате. Кроме того, есть все основания предположить, что данный сюжет в предельно схематизированной и упрощенной форме нашел также свое отражение в некоторых бронзовых фигурках, найденных в Северном Прикамье и Приурале. И главное — не надо бояться птиц с человеческими головами: в виде таких вычурных образов-мифологем сохранилась память о гиперборейцах (и не о них одних), владевших техникой воздухоплавания. Похоже также, что архаичная общеязыковая корневая основа *кар* сохранилась в наименовании северной реки Кары, берущей начало на склонах Полярного Урала и впадающей в Карское море, названное так по имени самой реки. Мифологическое значение данной лексемы, вне всякого сомнения, сопряжено с теонимом Корс-Торум (и возможно — с его солнечной ипостасью), о чем уже говорилось выше.

Итак, персидские сокровища каким-то совершенно необъяснимым образом оказались не где-нибудь, а именно в той культурной зоне, где издревле существовали традиции высокохудожественного литья. Имеются в виду только что упомянутые “чудские древности” — литые бронзовые фигурки культового, мифологического и магического назначения. Именно территория современного Российского Севера, и прежде всего области, с запада и востока примыкающие к Уральскому хребту, испокон веков славились искусными литейщиками, кузнецами и мастерами-ювелирами, владевшими виртуозной техникой обработки металла. Не исключено, что все эти навыки также зародились в Гиперборее и по наследству перешли к хранителям ее древней культуры.

Опубликовано в журнале «Мир Севера». 2000. № 5.